

ЖЕР - СУ ЖЫРЫ

Путь Избасара

Похититель слов



Омар Ануар Мәлікұлы

Ануар Омар

Жер-Су жыры. Путь Избасара

«Автор»

2026

Омар А.

Жер-Су жыры. Путь Избасара / А. Омар — «Автор», 2026

Мальчика Избасара растят дед и бабушка у подножия Ылытау. Однажды в аул приезжает всадник на вороном коне, и люди начинают забывать слова. Бабушка не может допеть свою песню, дед угасает. Это Похититель слов: он ищет три осколка золотой пластины с первым словом мира — «Бол!». Избасар и его конь Тайбурыл отправляются вокруг света, чтобы успеть до первого снега. Шумер, Египет, этруски, Греция, северные ярлы, Великая стена, камни Орхона — повсюду степные слова откликаются в языках других народов. Рядом с ним маленький вор без имени, который станет ему братом, но сначала предаст. Это жыр, а не учебник истории: в конце каждой главы «Ключ» честно отделяет факт от легенды. Книга о родном языке, памяти предков и дороге домой — для детей и взрослых, особенно для тех, кто стесняется говорить по-казахски.

© Омар А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Алгы сөз. Слово автора	6
Пролог. Бауырына салу	7
Глава первая. Безмолвие	9
Глава вторая. Курганы	12
Глава третья. Туран	14
Глава четвёртая. Мать городов	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Ануар Омар

Жер-Су жыры. Путь Избасара

Жер-Су жыры. Путь Избасара

Похититель слов

Омар Ануар Мәлікұлы

2026

Бұл — жыр. Это песня, не история.

© Омар Ануар Мәлікұлы, 2026

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена без письменного разрешения автора.

Алғы сөз. Слово автора

Меня зовут Омар Ануар Мәлікұлы. Я вырос у подножия Ұлытау, у деда и бабушки, и первые слова, которые я услышал в жизни, были казахскими. *Ата. Ана. Бала. Жол. Ел.* Тогда я не знал, что эти простые слова старше многих царств и что их эхо звучит по всему миру.

Нашу историю много раз пытались стереть. Казахам называли чужим именем — киргизами. За один век казахи сменили три алфавита, и каждое новое поколение не могло прочесть книги своих дедов. В годы *Ашаршылық* погибло, по разным оценкам, от трети до почти половины народа, а вместе с людьми уходили песни, предания, слова. Нам говорили, что у степи нет истории, что кочевники ничего не оставили миру, кроме пыли из-под копыт.

Я в это не верю. И эта книга — моё *возвращение к корням*. Возвращение памяти, которую хотели отнять.

Я написал её для наших детей и внуков. Чтобы они помнили, чьи они потомки. Чтобы чтить память предков, которые сохранили для нас эту землю и этот язык. Чтобы не забывали наших обычаев и своих корней. Дерево без корней падает от первого ветра, а народ без памяти растворяется в чужих народах.

Мир сегодня большой и шумный, и многим кажется, что проще стать похожим на других. Но копия никогда не бывает лучше подлинника. Лучше быть собой и гордиться этим, чем быть чьей-то тенью. Пусть ни один казахский ребёнок не стесняется того, что он казах. Пусть говорит на родном языке громко и с гордостью — дома, на улице, в любой стране мира.

А гордиться есть чем. Казахский язык — один из самых богатых языков на свете: богат словами, пословицами, песнями и звуками. В нём есть звуки *ә, ғ, қ, ң, ө, ұ, ү, і*, каких нет во многих языках мира. Казахский ребёнок с колыбели слышит эти звуки, и потому его ухо и язык готовы к речи других народов: тому, кто с детства хорошо знает казахский, легче даются чужие языки, и говорит он на них чище. Родной язык — не стена, которая отделяет нас от мира, а ключ, который открывает к нему двери.

Я часто повторяю своим сыновьям: *Өз тілің — өз үйің. Үйіңді ұмытсаң, кімнің есігін қағасың?* Твой язык — твой дом. Если забудешь свой дом, в чью дверь ты постучишься? Учите сколько угодно языков — это богатство. Но возвращайтесь домой, к своему.

Эта книга — *жыр*, песня, а не учебник истории. Мальчик Избасар и его конь Тайбурыл проскачут вокруг света наперегонки с тёмным всадником и услышат, как степные слова откликаются на всех языках земли. Что-то из этого — доказанная наука, что-то — смелая догадка, что-то — просто красивое созвучие. Чтобы читатель не путал одно с другим, в конце каждой главы есть короткий *Ключ*: там честно сказано, что факт, а что легенда.

И ещё: это время жыра. Здесь все века стоят рядом, как юрты одного аула, — шумерский писец и северный ярл живут под одним небом, а дорога длится ровно столько, сколько нужно песне. Не ищите этот путь на карте. Ищите его в сердце.

Читайте её детям. Читайте её сами. И когда в чужой стране вы услышите знакомое слово, вспомните Избасара: может быть, мир говорит с вами на вашем языке.

Жолдарыңыз болсын. Доброго вам пути.

Омар Ануар Мәлікұлы

Пролог. Бауырына салу

Избасару было девять месяцев, когда молодые родители привезли его в аул у подножия Ылытау и положили на руки деду и бабушке. Так у казахов издавна: первенца отдают старикам — *бауырына салады*, кладут у самого сердца. Говорят, ребёнок, выросший у деда, впитывает мудрость рода раньше, чем научиться ходить. А старикам он возвращает молодость.

Родители кочевали со своим табуном за перевалом, в дне пути. Они приезжали на праздники, привозили гостинцы, гладили мальчика по голове и уезжали снова. Избасар звал их *көке* и *тәте* и не знал, что это его отец и мать. Деда он звал *әке*, бабушку — *шеше*. Младшие дети деда были для него старшими братьями и сёстрами. Весь аул был одной большой юртой, и он в ней был самым младшим и самым любимым.

Әке говорил мало. К нему шли за советом, его слово решало споры между родами, и о нём говорили: *сөзі — тас*, его слово — камень. По вечерам он сажал внука перед собой и учил его не счёту и не грамоте, а тишине.

— Сначала научись слушать, — говорил он. — Степь говорит тихо. Кто кричит, тот её не услышит.

Ещё он учил его старым знакам — тем, что предки высекали на камнях: прямые черты, углы, крючки, похожие на следы птиц на снегу. В ауле их почти никто уже не помнил.

— Зачем они мне, әке? — спрашивал Избасар. — Камни ведь не говорят.

— Говорят, — отвечал дед. — Просто ждут, пока к ним придёт тот, кто умеет слушать.

А самую первую сказку ему рассказала шеше. О том, как Тәңір создал первых людей, Адам ату и Хауа ану, и поселил их в горах, где росли яблони. Всё он им дал, а об одном дереве сказал одно слово: «*Алма!*» — «Не бери!» Но они взяли.

— С тех пор этот плод так и зовут — *алма*, — говорила шеше и протягивала внуку красное яблоко. — Бери, балам, тебе можно. А запрет помни: не всё, что висит перед глазами, твоё.

— А *Хауа* — это *ауа*, воздух, — добавлял әке. — Первое дыхание первой матери. А *адам* — значит человек. В каждом из нас есть немного от Адам аты.

Ещё шеше пела. Пела, когда доила кобылиц, когда раскатывала тесто, когда качала внука в бесике. Одну песню она пела чаще всех — о человеке, который долго ищет своё счастье по свету, а потом понимает, что искал того, кто всегда был рядом. Избасар засыпал под неё и не понимал её слов. Он поймёт их позже. И однажды от этой песни будет зависеть жизнь всего аула.

Первым другом стал Ербол, соседский мальчишка, ровесник. Они пропадали за юртами с утра до ночи: играли в асыки, гоняли жеребят, лежали в траве и смотрели, как плывут облака. У Ербола была лучшая *сақа* во всём ауле — тяжёлая, тёмная, она всегда была точно.

— Вырастем — объедем весь мир на конях, — говорил Ербол.

— Объедем, — соглашался Избасар.

Когда ему исполнилось семь, на большом тое старый сват, захмелев от кумыса, потрепал его по плечу и сказал: «Иди, поздоровайся с отцом». И показал на көке.

Вечером Избасар долго сидел у очага и молчал. Потом спросил:

— Шеше, если көке — мой отец, значит, мой дом там, за перевалом? А здесь я гость?

Бабушка погладила его по голове и ничего не ответила. Только запела свою песню.

— Вырастешь — найдёшь ответ сам, — сказал әке. — Только он не лежит на дороге. За ним придётся идти.

Избасар не знал тогда, что за этим ответом ему придётся объехать весь мир. И что за ним по пятам поскачет тот, кто хочет, чтобы этого ответа не нашёл никто.

Ключ. Обычай отдавать первенца на воспитание деду и бабушке — *бауырына салу* — живая казахская традиция; такие дети часто зовут деда и бабушку «эке» и «шеше», а родителей — «көке», «тәте». Древнетюркские руны — орхон-енисейское письмо — действительно высекли на камнях в степи больше тысячи двухсот лет назад. Сақа — главный, утяжелённый асык, которым бьют в игре. В казахских преданиях первых людей зовут Адам ата и Хауа ана. Дикая яблоня Сиверса из гор Алатау — предок всех домашних яблонь мира — факт. Алма — исконное тюркское слово, а ал- + -ма грамматически значит «не бери»; что плод назван по запрету, — легенда этой книги, а ауа — Хауа — созвучие.

Глава первая. Безмолвие

Избасару было шестнадцать, когда ему впервые приснился этот сон.

Будто стоит он на краю земли, где кончается степь и начинается море. В песке лежит золотая пластина, расколота на три части, и на ней горит слово. Он не может его прочесть, но слышит, как оно звучит, — так, словно его сказала мать: «*Бол!*»

Он проснулся до рассвета и долго лежал, глядя сквозь шаңырақ на бледнеющие звёзды. Сон ушёл, а слово осталось — тёплое, как уголь в ладони.

Вечером того же дня в аул въехал чужой всадник.

Конь под ним был вороной, без единого пятнышка, и шёл бесшумно, будто не касался земли. Сам всадник был в сером чапане, с красивым спокойным лицом, по которому нельзя было понять ни возраста, ни рода. К седлу был приторочен кожаный мешок — пустой, хотя по виду в нём поместилась бы целая юрта.

По обычаю гостя не спрашивают, кто он и куда едет. Эке пригласил его к очагу, шеше поставила перед ним кумыс и мясо. Гость ел мало, а спрашивал много.

— Как вы называете это? — он показал на чашу.

— *Кесе.*

— А это?

— *Түз. Соль.*

Он повторял каждое слово чисто, без акцента, будто знал его с детства. И каждый раз чуть заметно улыбался, как улыбается купец, взвешивая чужое серебро.

— Красивые слова, — сказал он наконец. — Только зачем они вам, старик? Мир велик, и говорит он на языках сильных: на языках царей, купцов и мудрецов. Ваш внук будет пасти овец и петь бабушкины песни, пока другие делят земли и пишут законы. Я видел много народов. Те, кто забыл свой язык, живут легче. Им нечего беречь, нечего терять, нечего стыдиться.

Эке долго молчал.

— Язык — не груз, гость, — сказал он наконец. — Язык — это седло. Без седла можно проехать немного. Далеко — нельзя.

— А если седло старое и натирает коню спину до крови?

— Тогда его чинят и берегут, — ответил дед. — А не бросают в степи.

Гость рассмеялся — легко и совсем не обидно.

— Вы мудрый человек. Жаль. Мудрые всегда держатся за то, что уходит.

Он уехал до рассвета, не сказав спасибо. Тайбурыл, чалый конь Избасара, всю ночь бил копытом в загоне и храпел, а когда вороной уходил в темноту, долго смотрел ему вслед. Утром Избасар увидел, что там, где стоял вороной, трава покрыта инеем. В середине лета.

В тот день в ауле начались странные вещи.

Мальчишки играли в асыки и вдруг замолчали: никто не мог вспомнить, как называется асык, вставший боком. Соседка стояла у коровы с пустым ведром и плакала: забыла, как зовут то, что она держит в руках. Старики у очага начали благословение — и сбились на втором слове.

Сначала люди смеялись над собой. Потом перестали.

А вечером шеше, как всегда, запела свою песню — и остановилась на середине. Открыла рот, но следующего слова не было. Она попробовала снова. И снова. Потом села на кошму и закрыла лицо руками.

— Не помню, — прошептала она. — Пятьдесят лет пела. Не помню.

Избасар впервые видел, как плачет шеше. Это было страшнее грозы.

Эке хотел благословить внука перед сном и тоже запылся. Он долго искал слово, как ищут в темноте упавшую иглу. А ночью слёг. Он не был болен, но таял, как свеча, которую никто не задул.

— Это *Үнсіздік*, — сказал старый кузнец, когда люди собрались у юрты эке. — Безмолвие. Мой дед рассказывал о нём. Оно идёт за тем всадником, как волк за отарой. Сначала уходят слова для вещей. Потом — для людей. Последними уходят слова для того, что нельзя потрогать: для любви, для стыда, для памяти. Тогда человек ещё жив, но его уже нет.

На другой день, на рассвете, у колодца Избасар увидел старика в белом. Никто в ауле его не знал. Старик пил воду из ладоней и не оставлял следов на мокрой глине.

— Ты видел того гостя, — сказал старик, хотя Избасар ничего ему не говорил. — Это *Сөз ұрысы*, Похититель слов. Когда-то он был мальчиком, как ты. Но он стыдился своего языка, а потом отдал его, чтобы стать похожим на других. И стал никем. С тех пор он ездит по свету и собирает чужие слова в свой мешок. Пустому человеку невыносимо видеть полных.

— Как его остановить?

— В начале мира Тәңір сказал «*Бол!*» — и всё стало. Это первое слово было записано на золотой пластине. Давным-давно, когда народы уходили из степи, пластина раскололась на три части, и люди унесли их на край земли. Похититель ищет их. Отнять осколок силой он не может: золото первого слова обжигает руку, которая берёт его без спроса. Осколок можно только отдать — или выкрасть чужими руками. Если Похититель соберёт все три и расплавит, первое слово замолчит навсегда, и твой аул не заговорит уже никогда.

— А если их найду я?

— Принеси их домой, и пусть первое слово снова зазвучит в ауле. Тогда мешок откроется. — Старик посмотрел на север. — Но успевай, пока первый снег не лёг на твой аул. Слова, что уснут под снегом, не проснутся весной.

Он вложил мальчику в ладонь два асыка.

— Когда не будешь знать, куда идти, брось. Встанет *алшы* — иди. Встанет *тәйкі* — подожди. Но помни: асык подскажет путь, а идти придётся тебе самому. *Жол — жүргенге, сөз — тыңдағанға*: дорога тому, кто идёт, а слово тому, кто слушает.

Избасар опустил глаза на асыки, а когда поднял, у колодца никого не было. Только на глине остался след посоха — и тут же высох.

— Қыдыр ата, — прошептал эке, когда внук рассказал ему об этом. Он с трудом приподнялся на локте. — Значит, путь твой благословлён. Иди, балам. *Маңдайыңа жазылған*. Это написано у тебя на лбу.

Он протянул внуку свёрток из тонкой козьей кожи, сшитой в тетрадь.

— Пиши в неё старыми знаками всё, что услышишь. Слово, записанное на коже, живёт дольше того, кто его записал.

Избасар вывел из загона Тайбурыла. Три года назад, когда мальчику исполнилось тринадцать и он вышел из первого мұшела, дед подвёл к юрте тонконового жеребёнка: «Это твой. Растите друг друга». Избасар сам поил его из ладоней, сам объезжал, и с тех пор они не расставались. Не зря говорят: *ат — ердің қанаты*, конь — крылья джигита.

У края аула его ждал Ербол. Он молча протянул другу свою знаменитую сака, тёмную и тяжёлую.

— *Менің сақам сенде болсын*, — сказал он. — Пусть моя сака будет с тобой. Вернёшься — отдашь.

Шеше сунула ему в хуржин горячие баурсаки. Она хотела что-то сказать, но слова не шли. Тогда она взяла внука за руку и с трудом выговорила только одно:

— *Әнімді қайтар*. Верни мне мою песню.

Над аулом пролетела белая гусыня — *ақ қаз* — и полетела на север.

Избасар бросил асык. Он встал алшы.

Ключ. Қыдыр ата — святой странник казахских преданий, являющийся путникам; асыки — бабки, по которым гадали и в которые играли в каждом ауле; подарок жеребёнка на мүшел — живой обычай. Похититель слов, Безмолвие и золотая пластина с первым словом — легенда этой книги.

Глава вторая. Курганы

Степь была огромной. Днём над ней стояло выгоревшее небо, ночью — чёрное, усыпанное звёздами так густо, будто кто-то рассыпал просо по кошме. Тайбурыл шёл ровно, словно знал дорогу лучше хозяина.

В первые дни Избасар пел, чтобы не слышать тишины. Потом перестал. Он понял то, чего не понимал в ауле: в степи человек остаётся один на один с самим собой, и разговор этот бывает трудным. Он думал о шеше, сидящей над немой песней. Об эке, который тает под шубой. О том, что ему всего шестнадцать, что он никогда не уезжал дальше соседнего аула, а мир, говорят, не имеет конца.

И каждое утро на его пути попадалась полоска инея на траве — узкая, как след копыт. Похититель шёл впереди.

На седьмой день они увидели холмы — круглые, одинаковые, будто кто-то поставил в степи огромные перевёрнутые чаши. На вершине одного из них сидел старый табунщик и смотрел на табун.

— Ты опоздал на день, — сказал старик, не оборачиваясь. — Вчера здесь был всадник на вороном коне. Спрашивал, где спят самые старые слова степи.

— И вы сказали?

— Сказал, что под курганами. — Старик усмехнулся. — Но не сказал, что спящих нельзя унести. Их можно только разбудить.

Он показал на холмы.

— Это *қорған*. Под ними спят те, кто жил здесь пять-шесть тысяч лет назад. Их кони паслись на этой траве. Их повозки скрипели по этим дорогам.

— Они были казахи? — спросил Избасар.

Старик засмеялся.

— Тогда ещё не было ни казахов, ни других народов, которых ты знаешь. Были люди, кони и степь. Потом одни ушли на запад и стали отцами Европы. Другие ушли на юг и стали отцами Индии. А степь осталась. Степь — общая мать, сынок. Она рождает народы и отпускает их, как кобылица жеребят. А дети, уходя, уносят с собой материнские слова.

— Какие?

— Как ты говоришь о себе?

— *Мен*.

— А как спрашиваешь о чужом?

— *Кім?*

— Вот, — кивнул старик. — Эти два слова старше курганов. Люди, что спят под ними, тоже говорили *те* о себе и *k'i* о чужом. Ушедшие на запад унесли их, и сегодня далёкие народы говорят *те* и *who*, а римляне говорили *quis*. Вот почему Похититель лжёт, когда говорит, что у степи нет своих слов. Это у всего мира есть слова степи. Недаром предки учили: *жеті жұрттың тілін біл* — знай языки семи народов. Узнаешь чужих — лучше узнаешь своих.

Избасар долго молчал. Потом спросил то, что мучило его с самого аула:

— Ата, а если я не успею?

Старик впервые повернулся к нему. Глаза у него были светлые, выцветшие, как степное небо в полдень.

— Ты спрашиваешь о конце дороги, а сам ещё не сделал и десятой её части. Так спрашивает тот, кто боится идти. *Қорықсаң, істеме; істесең, қорықпа*: боишься — не берись, а взялся — не бойся.

Ночью Избасар развёл костёр у подножия кургана и впервые открыл кожаную тетрадь деда. Он долго держал в пальцах уголёк, не решаясь. Потом вывел старыми знаками первые слова своего пути: *мен, кім*. Знаки легли на кожу ровно, будто давно ждали.

Где-то далеко заржала кобылица. *Ботай*, — вспомнил он рассказ старика: там, на севере, люди впервые стали жить рядом с конём. Он посмотрел на Тайбурыла и подумал, что, может быть, именно тогда, больше пяти тысяч лет назад, у человека появился первый друг, который не говорил ни слова и понимал всё.

Вдруг Тайбурыл перестал жевать и поднял голову. Из темноты, бесшумно, как тень, вышел вороной конь. Всадник в сером чапане спешил и сел по другую сторону огня, будто его звали.

— Далеко забрался, мальчик, — сказал он ласково. — А дома твой дед тает, как воск. Кто подаст ему воды, пока ты гоняешься за сказками?

Избасар сжал асыки в кулаке.

— Я не гоняюсь за сказками. Я иду за словом.

— Слово, — повторил Похититель, будто пробуя его на вкус. — Я знаю тысячу языков, и ни один из них не мой. Поверь мне: это свобода. Ни дома, ни долга, ни стыда.

Он подбросил ветку в огонь и посмотрел на мальчика долгим, почти сочувственным взглядом.

— Ты ведь и сам не знаешь, где твой дом, правда? У деда ты внук. У отца — гость, которого привозят на праздник. Ты всю жизнь живёшь между двумя юртами и ни в одной не хозяин. Я был таким же. Я знаю, как это больно. Отдай мне асыки старика, возвращайся — и я верну твоему деду его слова. Слово чести.

Избасар почувствовал, как у него задрожали губы. Этот человек знал то, чего он не говорил никому. Даже шеше.

Он долго молчал. Огонь трещал между ними.

— У того, кто крадёт слова, нет слова чести, — сказал он наконец. — А дом у меня есть. Я просто ещё не знаю, где он кончается.

Похититель засмеялся — тихо и совсем не весело.

— Посмотрим, кто быстрее. Первый осколок ждёт за горами, в земле, где пишут на глине. Я буду там раньше тебя.

Огонь качнулся от ветра, и когда пламя выпрямилось, у костра никого не было. Только трава вокруг побелела от инея.

Избасар не сомкнул глаз до рассвета. А когда рассвело, старика на кургане уже не было. На юго-западе, у самого края неба, поднимался тонкий дым — словно кто-то развёл костёр на границе мира.

Избасар бросил асык. Алшы.

Ключ. Курганная (степная) гипотеза о прародине индоевропейцев — ведущая версия в науке, её подкрепляют данные древней ДНК. В Ботае (север Казахстана, около 5 500 лет назад) найдены одни из древнейших следов содержания лошадей и доения кобылиц. Сходство *те* — *мен* и *k^wi* — *кім* — довод ностратической гипотезы; большинство лингвистов её не принимает. Пословица *Қорықсаң, істеме; істесең, қорықпа* — народная.

Глава третья. Туран

Дым на юго-западе оказался не костром, а городом. Город стоял там, где горы подходят к самому морю, и звался Воротами: через него шли все дороги из степи на юг. Над каменными стенами поднимались башни, а у ворот толпились верблюды, арбы и люди всех цветов кожи. Избасар никогда не видел столько людей сразу. Ему показалось, что весь мир съехался сюда, чтобы перекричать друг друга.

На площади, в тени чинары, сидел седой сказитель и пел под струны. Избасар остановился послушать. Старик пел о двух землях: *Иран* — земля пахарей, и *Туран* — земля всадников, что пришли с севера. Царём Турана был грозный Афрасиаб, и много славных героев Ирана пало от его руки.

— Мы зовём его иначе, — сказал Избасар, когда песня кончилась. — Алып Ер Тоңа. Наши старики плачут о нём до сих пор.

Сказитель долго смотрел на мальчика.

— Значит, одна и та же битва живёт в двух песнях, — сказал он наконец. — У нас она про врага, у вас — про героя. А правда, наверно, в том, что мы с вами соседи уже три тысячи лет. Соседи ссорятся чаще всех, сынок. Потому что им есть что делить. И есть что прощать.

Пока Избасар слушал, чья-то лёгкая рука скользнула к его поясу. Когда он схватился за мешочек, асыков там уже не было. Худой мальчишка мелькнул в толпе и скрылся.

Асыки были подарком Кыдыр ата. Потерять их — всё равно что потерять благословение в самом начале пути. Избасар вскочил на Тайбурыла и погнался за вором — через базар, опрокидывая корзины с урюком, за ворота, в горы. Тропа поднималась всё выше, пока не упёрлась в каменную стену. Вор исчез, будто растворился в скале.

Избасар спрыгнул с коня и ударил кулаком по камню так, что содрал кожу. Он не узнавал себя. В нём кипело что-то тёмное и горячее: он хотел догнать мальчишку, повалить на землю, бить, пока тот не заплачет. Потом ему стало стыдно этой злости. А потом — страшно, потому что стыд не делал её меньше.

Ночью у костра он сидел один, без асыков, без знаков и без дороги. Он думал о шеше, которая не может допеть свою песню, и впервые за весь путь ему захотелось повернуть назад.

Из темноты вышел пастух в бурке. Он молча сел рядом, подбросил ветку в огонь и сказал:

— Здесь ночью ходит *borz*.

— Кто?

— Волк, — ответил пастух. — Он знак моего народа. Волк не берёт чужого без нужды и не бросает своих.

— У нас волк — *bəri*, — тихо сказал Избасар. — И наши предки тоже вели свой род от волчицы.

Пастух улыбнулся впервые за весь вечер.

— Тогда слушай, брат волка. Ты злишься, я вижу. Злость — плохой проводник: она всегда ведёт в пропасть. Мальчишка, которого ты ищешь, ночует в долине, у старой Нино. Она кормит всех бездомных в округе. Иди туда утром, когда остынешь.

Утром они спустились в долину. Там, у дома под виноградной лозой, старая грузинка держала за ухо того самого вора.

— *Ме* видела, как ты бежал, — говорила она ему. — А *shen* разве не стыдно?

«*Мен и сен*», — услышал Избасар и замер.

Старуха забрала у мальчишки мешочек и протянула гостю.

— Кто крадёт чужое, тот теряет своё, — сказала она. — А кто прощает, тот находит больше, чем потерял.

Избасар посмотрел на вора. Тот был младше его, тощий, в рваной рубаше, с умными быстрыми глазами, в которых не было ни страха, ни стыда — только усталость, какая бывает у стариков. Ночью Избасар хотел его бить. Теперь ему было трудно даже вспомнить, за что.

Ұрлық түбі — *қорлық*, учил дед: конец воровства — позор. Но дед учил и другому: позор смывается не кулаком, а добротой. Избасар достал из хуржина последний баурсак шеше и протянул мальчишке.

Тот не убежал. Он взял баурсак и долго держал его в руках, не решаясь откусить, будто это было не тесто, а что-то очень хрупкое.

— Как тебя зовут? — спросил Избасар.

— Не знаю, — сказал мальчишка. — Мы были здесь чужие: мать пришла сюда с караваном из степи, из ваших краёв. Когда я был маленьким, через наше селение проехал всадник на вороном коне. После него люди стали забывать слова. Мать забыла колыбельную, потом моё имя, потом меня. Она смотрела на меня, как на чужого ребёнка, которого надо накормить. Её давно нет. Здесь меня зовут Тұрсын. Так назвал один старый караванщик из ваших краёв. Сказал: пусть живёт.

Избасар похолодел.

— Я еду за этим всадником.

Тұрсын поднял глаза.

— Тогда возьми меня с собой. Я знаю все тропы отсюда до моря. Я умею открыть любой замок и пролезть в любую щель. А если ты победишь, может, и моя мать... может, и её слова вернутся. Туда, где она теперь.

Избасар посмотрел на Тайбурыла. Конь фыркнул и ткнулся мордой Тұрсыну в плечо.

— Тайбурыл согласен, — сказал Избасар. — Значит, и я.

Нино перекрестила обоих, сунула им в дорогу лепёшек и сыра и долго смотрела вслед.

В первую ночь Избасар долго не мог уснуть. Сквозь ресницы он видел, как Тұрсын сел, посмотрел на его пояс, где висел мешочек с асыками, и протянул руку. Пальцы замерли над завязкой. Долго — так долго, что Избасар успел решить: кричать он не станет. Потом Тұрсын отдернул руку, будто обжёгся, лёг и отвернулся.

Утром он сказал, не глядя:

— Зря ты дал мне баурсак. Меня ещё никто не кормил просто так. Я не знаю, что с этим делать.

— Съесть, — сказал Избасар. — С баурсаком больше ничего делать не надо.

Тұрсын хмыкнул, но весь день держался чуть позади, будто проверял, прогонят его или нет.

За рекой армянский чабан пересчитывал стадо: «*Vochkhar, vochkhar...*» — «*Қошқар*», — сам собой повторил Избасар, глядя на круторогого барана.

— Вороной всадник? — переспросил чабан. — Проехал два дня назад. На юг, туда, где сходятся две реки. Там люди кладут слова в глину, и те живут тысячу лет.

Два дня. Избасар развязал мешочек и бросил асык. Алшы.

— Держись крепче, — сказал он Тұрсыну, сажая его позади себя. — Теперь мы догоняем.

Вечером, у костра, он записал в кожаную тетрадь: *бәрі* — *borz*, *мен* — *me*, *сен* — *shen*, *қошқар* — *vochkhar*. А ниже, мелко, ещё одну строку, не для слов, а для себя: «*Злость прошла. Брат остался*».

Ключ. Туран и Афрасиаб в «Шахнаме» Фирдоуси и рассказ Махмуда Кашгари о том, что Афрасиаб — это Алып Ер Тоңа, — факты. Чеченское *borz* — «волк», грузинские *me* «я» и *shen* «ты», армянское *vochkhar* «овца» — подлинные слова; их сходство с *бәрі*, *мен*, *сен*, *қошқар* — созвучие (*me* и *shen* приводят сторонники ностратической гипотезы). Город у гор и моря похож на Дербент — древние «Ворота», через которые шли пути из степи на юг. Тұрсын — герой этой книги.

Глава четвёртая. Мать городов

Между двумя реками земля была ровной, как стол, и жирной, как сметана. Из этой земли люди лепили всё: дома, стены, горшки и даже письма. Избасар смотрел на ступенчатый храм, поднимавшийся над крышами, и думал, что люди здесь, наверно, хотели дотянуться до неба руками, раз не умели взлететь к нему на конях.

Но город встретил их тишиной. На ступенях храма сидели писцы и смотрели на свои таблички, как на чужие. Один водил пальцем по клинышкам и шевелил губами — и не мог прочесть ни слова. На базаре торговцы молча показывали товар пальцами, а покупатели молча кивали. Город, который тысячу лет записывал всё на свете, разучился читать за два дня.

— Он здесь, — шепнул Тұрсын. — Я узнаю эту тишину. Так было у нас.

На берегу девочка месила глину. Рядом на солнце сохли свежие таблички, исчерченные клинышками, будто по ним прошла стая птиц. Девочка была единственной в городе, кто писал.

— Ты помнишь знаки? — удивился Избасар.

— Помню, потому что не перестаю их писать, — сердито сказала она. Её звали Айару, и отец её был старшим писцом. — Два дня назад пришёл человек в сером, и к вечеру весь город забыл грамоту. А я писала две ночи подряд. Знаки уходили из головы, как вода из треснувшего кувшина, а я всё доливала и доливала. Пока пишу — помню.

— А у нас говорят: *оқу — инемен құдық қазғандай*, — улыбнулся Избасар. — Учиться — что иглой колодец копать.

— А забыть — что ведром его засыпать, — отрезала Айару. Потом взяла палочку и выдавила знак. — Это *ата*. Мать.

— У нас — *ана*. А это?

— *Ad*, отец. *É* — дом. *Kur* — гора.

— *Ama. Yй. Қыр*, — отвечал Избасар, и с каждым словом девочка смотрела на него всё внимательнее.

— А царь у вас как?

— Хан. Или говорим *ұлы* — «великий».

— А у нас *lugal. Lu* — «человек», *gal* — «большой». Большой человек.

— Вы складываете слова, как мы, — сказал Избасар. — Кусочек к кусочку, как бусины на нитке.

Он достал кожаную тетрадь и показал ей старые знаки деда. Айару долго разглядывала прямые черты и углы.

— Они похожи на наши, — сказала она наконец. — Не видом, а нравом. Их тоже писали, чтобы не забыть.

Вечером Айару привела их к отцу. Старый писец сидел в темноте и не узнавал собственных табличек. Он держал одну в руках и плакал беззвучно, как плачут люди, которые разучились даже плакать вслух. Но когда Избасар рассказал о золотой пластине, старик вдруг вспомнил.

— Песня... — прошептал он. — Есть древняя песня о женщине, что пришла с севера, с гор, где растут яблоки. Звали её Ай-Ана, Мать-Луна. Она оставила нашим предкам золотой осколок и велела хранить, пока за ним не придёт всадник с севера. Мой прадед запечатал его в глину, в табличку со знаком звезды. Она в храмовом хранилище, среди десяти тысяч других.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.